

РОЛЬ МИФЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ РОМАННОГО МЫШЛЕНИЯ ОСЕТИН

**Р. Я. ФИДАРОВА,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник СОИГСИ**

Осетинское романное мышление формирует свою философию общества, свою философию истории. И тем самым оно реализует свою сущность как тип художественного мышления, а не только как способ мышления. И осуществляет это многообразно, в том числе через художественное решение социальных и психологических проблем человека, т.е. через сложнейшие антропологические искания.

Сущность же художественной концепции, как и философии человека, заключается в том, что на сложные вопросы о человеческом бытии и человеческой сути отвечает однозначно: человек самоутверждается в мире, преодолевая сопротивление обстоятельств, т.е. проявляя важнейшее человеческое качество — социальную активность — в утверждении своих жизненных позиций. Только так происходит движение к возвышенной нравственной цели — к совершенствованию внутреннего мира личности, к обогащению типа связи человека с миром, движение к идеалу.

И диалектика мифического и исторического осуществляется в жанровой структуре романа-мифа в сфере пространственно-временного континуума весьма своеобразно:

1. В интерпретации акта творения, созидания мира.
2. В организации пространства действия (по мере усиления субъективного фактора, развития психологизма, описание событийного ряда уступает место описанию чувств, т.е. действие перемещается извне во внутренний мир героев).
3. В движении сознания от космологического к «историческому», человеческому.
4. При формировании «культурного героя», который завершает устройство космоса (добывание огня, пашни, зерна, пива и т.п.).
5. В открытии культурно-исторической традиции установлением норм социального поведения (скажем, Сырдон в среде нартов, Сырдон в брачных отношениях, Сырдон и проблема воспитания детей, молодого поколения и т.д.).

6. В исторической памяти и преемственности. На всех уровнях организации художественного мира: характеров, обстоятельств и т.д.

7. В формировании исторического взгляда на мир и его отдельных фрагментов.

8. Во временной, т. е. вертикальной оси (первопредки — потомки).

9. В выработке понятия «причинности», детерминированности, в определении образа жизни и характеров героев.

10. В интеллектуализации героя, идущей от философской природы романа-мифа.

11. В психологизации поведения героя, идущей от психолога, формирующих характеры.

Итак, диалектика мифического и исторического своеобразна в жанровой структуре романа-мифа. Как конкретно она происходит?

История имеет выход через миф в романе-мифе, во-первых, как отзвук отдельного, реального, конкретного события. Скажем, бой Хазби Алыкаты с войском Абхазова у М. Булкаты в «Седьмом походе Сослана Нарты». Во-вторых, в реалистическом отражении общественных отношений и институтов, в условиях которых жили субъекты мифов (обычай кровной мести, например). Так сквозь мифологический вымысел проступает история, реальная действительность.

Первобытный человек органически связан с природой. Но постепенно в нем происходит важнейший социально-исторический процесс, имеющий существенное значение для судеб прогресса человечества, космоса и вечности: развитие сознания от животной бессознательности, символа

хаоса в мифологии. Здесь опять-таки сложно и тонко проявляются диалектика мифа и истории, их причинно-следственные связи: как нет мифа без истории, так нет и истории без мифов. Потому такое большое значение и сейчас имеет миф для культурного сознания как его база, его основной фонд. Особенную актуальность приобретает это для типа мышления, имеющего восточную ориентацию. Потому миф активно используется такими писателями, как Ч. Айтматов, Н. Думбадзе, О. Чиладзе, Ч. Гусейнов, Н. Джусойты, М. Булкаты и др. Обусловлено это типом сознания. Как определил Юнг, западное сознание направлено на внешний мир, отсюда большие успехи в технологии производства машин и т.п. Восточное же сознание, определяющее основу традиционной восточной культуры, ориентировано внутрь человека. Отсюда и философия, где важнейшим элементом является духовное начало. Своеобразным феноменом является в современном мире Япония, сумевшая творчески использовать культуру и опыт обоих типов сознания, своеобразно синтезировав их. Отсюда удивительное сочетание западного уровня развития техники и технологии и сохранение своей духовной и национально-традиционной «самости». По мысли Юнга, не случайно стали возможны в европейской истории наивные, с точки зрения современного разума, но на практике покорившие умы миллионов, расовая мифология нацизма и коммунистический миф «о светлом будущем». Надо сказать, что в районах с восточной ориентацией сознания (Кавказ, Закавказье, Средняя Азия) коммунистический миф «о светлом будущем»

долго не приживался. Что же касается расовой мифологии нацизма, то она вообще чужда восточному типу разума с его культом добра и гуманизма.

Взаимодействие мифа и истории протекает довольно сложно и многообразно, в романе-мифе, скажем, хотя бы в том, что если для нартов совершение набегов на мирных жителей — явление нормальное (такова была норма морали в эпоху аланской военной демократии), то и позиция Сырдо-на, приложившего невероятные героические усилия для спасения пастбища, скота и пастухов Бурафарныга, человека чуждого для него, — тоже нормальное поведение с точки зрения исторической действительности, значит, и эпической: при разложении родовых отношений заметно выделяется из родоплеменного фона личность с ее ярко выраженной гуманистической направленностью и устремлениями к идеалу. Так, временные структуры участвуют в формировании романного типа героя и романной жанровой структуры, сюжета, системы образов и т.д.

Мифологизация истории в романе-мифе происходит довольно своеобразно. Формы и способы здесь могут быть самые разные. У М. Булкаты, скажем, через отношение героев к конкретной исторической эпохе и ее реалиям: рядом живут герои от эпического Сантарадо исторического Чермена, и никому не приходит в голову спросить, почему он непохож на соседа.

Диалектика мифического и исторического своеобразно используется при типизации. Так, при формировании образа Чермена Тлаттаты в качестве одного из основных средств художественной изобразительности писатель использует социальный аспект. Во-

первых, происхождение героя. «Я — кавдасард», т.е. рожденный в яслях, говорит он. Во-вторых, Чермен — герой романа-мифа и историческое лицо, прообраз романного героя, погиб, отстаивая свои человеческие права. В-третьих, в его сознании и поступках, поведении социальный аспект является детерминирующим фактором: он отнимал ворованный скот у богачей Тагиаты и раздавал беднякам, считая восстановление социальной справедливости своим святым долгом.

Диалектика мифического и исторического проявляется и на гносеологических глубинных уровнях романного мифомышления. В частности, это серьезно сказывается в сфере характеристики. Этим объясняется появление интеллектуальных героев, подобно, скажем, Сослану («Седьмой поход Сослана Нарты» М. Булкаты) и Сырдону («Слезы Сырдо-на» Н. Джусойты). Они много размышляют о смысле жизни, о добре и зле, о справедливости, о гуманизме и т.д.

Диалектика мифического и исторического проявляется и в трактовке брачных отношений.

Отражением ранних форм брачных отношений в эпосе являются сюжеты некоторых сказаний, особенно относящихся к совместной жизни Урузмага и Шатаны. Причем этот женский образ не имеет себе равных в эпосе: мир нартов нельзя себе представить без Шатаны. И как нет без нее нартов, так и нет ее без нартов.

На протяжении ее вневременной жизни, т. е. эпического бытия, Шатана выполняет множество различных социальных функций: она и воспитательница нартских богатырей Сослана и Батраза, она и кормилица нартов в

голодный год, и ясновидица, предсказывающая будущее, мудрая советчица. Можно сказать, сфера ее личных интересов — вся многообразная жизнь нартов с ее слабыми и сильными сторонами. Она — центр всего нартского мира.

Здесь отражаются не просто черты матриархата, как, скажем, в Калевале или ирландских сагах. Но и проявляется диалектика мифического и исторического: предки осетин, аланы — одно из сарматских племен, по свидетельству античных авторов, отличались высоким социальным положением женщины. В некотором смысле можно сказать, что нартская Шатана напоминает сарматскую царицу Амагу, или скифскую Томирис.

Шатана — дочь солнца и воды: отцом ее был Уастырджи — слегка христианизированный старый солнечный бог, мать — богиня Дзерасса, дочь Донбетра, бога моря.

Что же касается кровосмесительных браков, то они были приемлемы у древних иранцев. Инцест как социальный институт свойственен многим народам. Соответственно в мифологическом плане отражение супружества брата и сестры встречается во многих древних памятниках. В древнеиндийской мифологии Яма и Ями — первая человеческая пара — брат и сестра, в иранской — Йим и Йимак. Также Кронос и Рея, Зевс и Гера. Или родители Петепра у Т. Манна («Иосиф и его братья»). Так что сказание об Урузмаге и Шатане — это миф о первой человеческой паре. И здесь опять-таки удивительно проявляется диалектика мифа и истории.

Исходя из особой роли Шатаны в мире нартов, можно понять, почему именно с ее рождением связано появ-

ление первого коня и первой собаки. Здесь сказываются исторические корни: аланы — скотоводы, охотники и воины, из всего животного мира больше всего нуждались в лошадях и собаках, потому и вводили их в свои мифы.

С именем Шатаны связано также появление пива у нартов, любимого напитка как алан, так и современных осетин. Если исходить из того, что у истоков культа пива в Калевале стоит сам Калева, а в Авесте — Йима, то и в нартском эпосе осетин создательницей пива является супружеская пара Урузмаг — Шатана, что и подтверждает миф о первой человеческой паре.

В плане осмысления диалектики мифа и истории интерес представляют записанные армянским историком Моисеем Хоренским легенды об аланской царевне Сатиник, напоминающие нартские сюжеты о Шатане.

Шатана во многом воплощает идеал реальной, земной женщины. Во всяком случае отражает черты, которыми отличались наиболее значительные женщины, известные создателям эпоса.

По логике взаимосвязей мифического и исторического происходят довольно существенные, в смысле прогресса и гуманизма, явления в бытии и быту скифов и алан: начинают меняться, «облагораживаться» весь их облик и менталитет. Это отразилось и в эпическом сознании.

В одном из сказаний боги одаривают Сослана хлебными зернами, сохой, ветром для веяния зерна, мельницей для его размола. То есть он проявляет черты «культурного героя».

Романное мифомышление, продолжая традиции мифомышления, также отразило этот процесс. Сырдон («Слезы Сырдона») взял к себе уайыга Саг-

сура, пленника нартов, чтобы полечить его. Уайыгу вначале все в быту и бытии хозяев было в диковину, словно в другой мир попал. По существу так оно и есть. В сюжете романа-мифа встречаются разные пространственно-временные структуры: в результате так сложно взаимодействуют мир нартов (более высокая ступень человеческой эволюции) и мир уайыгов. Племя Сагсура не знает земледелия, занимается исключительно охотой и скотоводством. Попробовав вкус хлеба у Сырдона, Сагсур удивляется, почему это у них никто не занимается выращиванием хлеба. Сырдон же со своей стороны советует ему пожить у него, присмотреться к хозяйственным делам и потом внедрить у себя более высокие методы хозяйствования. Такова здесь диалектика.

В романе-мифе М. Булкаты отражаются мифические представления о времени и пространстве довольно своеобразно. А мифическая модель мира — многоуровневая структура, три измерения которой формируются по вертикали и объединяются по принципу «мирового древа», имеющего корни в нижнем мире, а крону — в небесах.

Для каждого уровня мира существует «свое» время, у которого конкретные физические характеристики: ритмика, длительность и т. д. И если время, существующее в реальном земном мире, принять за норму, то соотношение времени по отношению к пространству в других мирах движется по убывающей линии. То есть в раю время такое же, как в земном мире, в смысле ритмики, в смысле длительности оно бесконечно: в раю все «бессмертны». В аду роль времени ограничена: оно течет очень медленно в смысле ритмики, тогда как

оно тоже бесконечно: здесь тоже все «бессмертны». Что же касается Третьего мира, то в нем напрочь отсутствует время. «Время текло, словно Дзам-Дзам (река забвения в царстве мертвых), но жители Третьего мира не ощущали этого» (1; с.137).

Мифические представления о времени схожи с образом реки, которая катит свои воды из прошлого через настоящее в будущее. Поэтому часто звучит в романе-мифе выражение: «Много воды утекло в Дзам-Дзаме с тех пор», — в качестве логической связки событий в сюжетной структуре или в отдельных частях повествования.

Сущность Третьего мира состояла из суммы отрезков всех времен. Здесь знали не только секрет бессмертия, но и было полно оружия. Ведь собрались тут люди, живущие во все времена и принесшие с собой несметные знания (оружие тоже атрибут времени, одно из бытовых, конкретно-исторических его характеристик).

Так, в Третьем мире сосуществовали разные социально-исторические эпохи. Притом они никак не смешивались. Тому, кто пришел из эпохи луков и стрел, молочное озеро как вечный символ зла, как средство создания манкуртов, не давало подняться до уровня человека эпохи изобретения пороха. А завидев воина с кремневым ружьем, он даже не любопытствовал, что это у того на боку висит. Да и воин не спрашивал лучника, почему это он пользуется допотопным оружием?

То есть каждое из субъективных времен существует вполне независимо, «объективно» и не поддается процессу изменений, что является собственно важнейшей, сущностной чертой истории, историзма как принципа. В резуль-

тате как бы «распалась связь времен», и нет движения, нет развития. Нет истории, важнейшей сутью которой как раз и является это движение, развитие в процессуальном аспекте.

Граждане Третьего мира не помнили, что есть время вообще и что оно играет огромную роль в жизни человека. Каждый, подобно животному, лишённому разума, пребывал в той материальной оболочке, в которой родился, и никому не приходило в голову спросить, почему он не похож на соседа. И хоть и представляли разные эпохи: от каменного века до изобретения пороха, не замечали бесконечного времени, простиравшегося между ними. Только Сослан, не испытавший воздействия чар волшебного молочного озера, ощущает эти временные расстояния: у него иная субъективная временная структура. «Железное одеяние, железное оружие, железная комната, железные темницы, железный ад! Что за люди, почему они так любят железо? Наш Курдалагон (кузнец нартов), только и делал, что ковал булатную сталь, но и он не так любил железо!», — недоумевал он (1; с.123).

Философский центр романа-мифа М. Булкаты — постоянная непрерывная борьба добра со злом.

Что есть добро? И что есть зло? Что есть Бог? И что есть дьявол? Какую судьбу они готовят для человека? В какой мере эта фатальная предопределённость детерминирует человеческую жизнь? Эти вопросы не просто поднимаются в произведении: они «выстраивают» весь его художественный мир, определяют структуру его, всю жанровую сущность. Словом, философские вопросы бытия становятся важнейшим жанровым фактором.

Зло побеждает только Хурзарин, такова философско-этическая концепция романа-мифа. Все миры, все человечество, вся природа — все сущее должно объединиться под лучами матери-Хурзарин. Такова в романе-мифе М. Булкаты концепция космического братства, единства. Тогда возможно равенство. Но не в марксистском понимании, а в смысле равной совестливости и равной высокой духовности и нравственности. Тогда и осуществится гармония как высший принцип организации социального единства, отвергающего войны, порабощение, физическое истребление живого, т. е. подлинный гуманизм.

Два начала, две субстанции — субъективная и объективная, человек и Бог, — спасут мир от зла в любом его облике. Ведь и образ Хурзарин напоминает образ Богоматери: она — мать вселенной, у нее большое, горячее, любвеобильное материнское сердце.

Пока мир пребывает в подвешенном состоянии. Господь Бог — создатель человека и дьявола. Но проклял он только дьявола, наказав человеку молиться, когда перед ним появится дьявол, и нечистая сила постепенно исчезнет с земли. Но бегут века и тысячелетия, а дьяволы не исчезают, наоборот. И мир меняется в худшую сторону.

Изначально суть спора между добром и злом, богом и дьяволом сводилась к тому, что бог хочет уничтожить далимонов. Их предводителю Дзацу это кажется кощунственным волеизъявлением. «Да, да, если в нем есть хоть капля справедливости, он должен придерживаться язык, поскольку черный порошок смерти (порох) изобрела лучшая его тварь — человек, и для уничтожения собственного города впервые употребила она же» (1; с.97).

Изначальную разницу между Богом и дьяволом, добром и злом, подчеркивает и сын Дзацу Кудза. «Далимоны делают то же, что и ты, — обращается он к Богу, — только ты требуешь от человека изначальной безгрешности, призывая его молиться... Мы же соблазняем его и милостиво избавляем от всех земных мук» (1; с.203).

Духовное пространство романа-мифа формирует важная философская мысль. «Человек устремляет свои молитвы к Богу, чтобы тот снял с него тяжесть содеянного греха и облегчил душевную муку, а молитва — не что иное, как обращение человека к своему прошлому», — замечает Кудза. Это же подтверждает и его отец Дзацу: «Снять с души грех и ощутить блаженство за счет бесконечных молитв и восславлений Господа Бога — это все равно, что двигаться вспять...». А разве прошлое, настоящее и будущее не есть единство, целостность? И разве не есть везде, всегда бог как единоначалие, как абсолютное сущее? И разве не есть человек частица божественной лучезарности? — как бы спрашивает роман-миф.

Многие привыкли смотреть на мир облегченно, в своей реальной будничной жизни оперировать легковесными понятиями. Философия таких людей очень удобна для оправдания своих недостатков. Зло этим пользуется. «Добродетель и зло — понятия вымышленные, — говорит Дзацу. — Отважный род дьяволов живет припеваючи, а человеческий род ропщет и томится в муках. И нет ему спасения. Не понимают они, что понятия добра и зла придуманы для обмана».

Что есть истина, правда, справедливость в мире? — пытается осмыслить

роман-миф языком художественных образов, поступками героев, их спорами, раздумьями.

«Я бы ничуть не удивился, — говорит Хазби, — если бы сейчас меня окликнул генерал Апхазов: «Эй, ты, сумасброд, тебе и здесь суждено смотреть на мир сквозь щели темницы, потому что то, ради чего ты и твои одиннадцать ша-лопаев пожертвовали жизнью еще в подсолнечном мире, и здесь находится в моих руках! В самом деле, во имя чего же мы дрались в устье двух рек и пролили кровь? Где она, благословенная правда, восторжествует ли она хотя бы в одном из миров? Родина — то же солнце, и генерал Апхазов тянулся к нашему солнцу...» (1; с.201).

Любопытна концепция национальной идеи в романе-мифе. Каждый народ, естественно, стремится к великим делам, в соответствии со своими представлениями, конечно. Каждый человек и каждый народ несет ответственность за свое бытие в мире. И потому каждый должен думать не только о своих узконациональных интересах, а стремиться служить всему человечеству. Роман-миф провозглашает принцип межгосударственных поведенческих норм: свободных, дружественных, равноправных отношений. Таков здесь идеал мира.

Романное мифомышление анализирует экзистенциальное состояние личности и социума в глубинном философском противопоставлении парных оппозиций: жизнь и смерть, добро и зло, субъективное «Я» и всечеловеческое «Мы».

Существует в мире вечное зло: болезни, смерть. Против них человек бессилен. Остальное зло, которое во власти человека и в принципе происходит от

него, он обязан побороть. И это стремление всегда — приближение к идеалу. Оно и лежит в основе человеческого и исторического прогресса — резюмирует роман-миф.

Много зла в мире. И сам человек этому способствует. Один народ идет войной на другой, один класс уничтожает физически другой только потому, что он непохож на него, думает иначе, живет по-другому. И главное — считает себя вправе истреблять других, непокорных. Почему? — пытается дать ответ роман-миф.

Если в мире побеждает зло, то жди разгула насилия. Если же верх одержит добро — необычайно активизируются созидательные конструктивные силы в истории и человеческом обществе — констатирует роман-миф.

Произвол, насилие над человеческой личностью, неуважение к ней, реки крови, пролитой за века человеческой истории, — вот реальная историческая действительность — резюмирует романное мифомышление. Расстояние между идеалом и действительностью огромно. И в этом драма истории, драма жизни и драма человечества. Чем выше понимание этой ситуации, тем выше и культурный идеал. А следовательно, и ответственность личности выше. И суд человеческий и божеский.

Пожалуй, и понимание счастья тоже. Счастье — очень большой стимул к жизни. Возможно, и самоцель человеческого бытия вообще. «Я изучал душу человека, — говорит Челахсартаг, — и пытался изменить его судьбу к лучшему. Я убедился: счастье не может свалиться как снег на голову, оно должно родиться в душе само по себе, без посторонней помощи и охраняться как

живительная влага в закупоренном сосуде» (1; с. 189).

Так роман-миф оперирует философскими идеями, которые так органично вплетаются в художественную ткань, что становятся частью структуры, художественной образностью. Объясняется это таким свойством романного мифомышления, как этиологизм.

Этиологизм как существенное свойство проявляется в своеобразии постановки вопроса «как это произошло?», ответом на который всегда следует то или иное представление (героев или автора или объекта и субъекта одновременно) об устройстве мира или же отдельных его компонентов (предметов, явлений, событий), концептуально важных в философской или нравственно-этической направленности произведения.

Поэтому и так своеобразна структура романа-мифа: диалектика мысли, «энергия» мысли движет сюжет.

Развитие истории идет по спирали. И у времени нет иной логики, кроме той, по которой создается через десятки веков двойник сына Хыза Челахсартага — жадный и ненасытный Дакко Тлаттаты. Но удивительно не то, что зло через десятки веков опять произвело на свет сына Хыза или Дакко Тлаттаты, а то, что через такой же промежуток времени добро породило Сослана и Чермена, Хазби и Габата. Такова одна философия, формирующая жанровую структуру романа-мифа М.Булкаты.

Время, нескончаемое и справедливое, отчего оно повторяет коварство и зло? Отчего незаменимых правдой и добром? Видно, зародыш зла витает в бескрайних просторах времени и пространства и прорастает там, где есть благоприятные условия. Стало быть, долг человека

— помнить всегда об этом и бороться за добро. Это вторая философия, составляющая свою структуру.

Добро и зло спят в бесконечном пространстве и времени и просыпаются, только соприкоснувшись с человеком, чья мысль способна их оплодотворить. Само время является смесью добра и зла, и, чтобы выплавить из этой смеси, скажем, добро, нужно прибавить к ней мысль доброго человека. И наоборот.

Легко осчастливить человека, для которого понятия добра и зла не идут дальше понятий сытости и голода. Такой воспринимает благодеяния как дар божий и довольствуется малым, оставаясь на уровне биологической, животной жизни. Но разве можно совладать с существом, чья жизнь исполнена беспокойства и поиска? Мысль его опережает время, и уши его слышат через века сердцебиение собрата. Это третья философия, участвующая в формировании художественной структуры романа-мифа. По существу, эти три философии в развернутом виде и составляют сюжетно-структурную содержательность жанра романа-мифа.

Функционально же этот процесс разворачивается через своеобразную организацию пространственно-временных структур.

Мотив бессмертия отражает здесь не просто онтологическую неизменность, но имеет и аксиологическое значение. Для чего оно, бессмертие? И что, творчество понимать как закон вечности? Но тогда и вселенная — прежде всего мастерская? Но что и как, во имя чего, добра или зла, творить? Ведь Челахсартат тоже «творец»?

Так, функция хронотопа — обоснование и актуализация этических конфликтов в качестве абсолютных, веч-

ных, непреходящих. Отсюда «незавершенность» временных и пространственных структур при формировании социальной модели мира.

Очень любопытную жанровую структуру осетинского романа-мифа представляет М. Булкаты в произведении «Седьмой поход Сослана Нарты». Прежде всего писатель стремится как бы «снять» время и разместить всю человеческую историю в пространстве ада, рая и Третьего мира. В то же время ощущается непосредственный контакт художественного мира романа-мифа с живой современностью: здесь нет «эпической дистанции». Более того, он как бы проецируется на насущные потребности нашего сегодняшнего бытия.

Художественное освоение времени как гармонии или дисгармонии «состояния мира» предстает как способ гносеологического познания единства сущего.

Время, мифологическое или историческое, несет в себе, прежде всего, систему нравственных отношений между людьми, поколениями, народами, государствами, мирами...

Универсальность этических представлений дает идею взаимосвязи временных модусов (прошлого, настоящего, будущего). Это функция временных и пространственных структур в художественной системе жанра. Отсюда следует, что они формируют в себе культурно-исторический образ времени.

Итак, основной принцип сюжетосложения в осетинском романе-мифе — дуализм. Как реализуется данный принцип на первом уровне и на втором уровне? Первый уровень составляет основной конфликт. В произведении М. Булкаты он организуется в сфере

характерологии в конфликте между Сосланом и Челахсартагом. В зависимости от него строятся и другие конфликты. В сфере философских идей — в конфликте между добром и злом. И на втором уровне в сфере организации миров, космоса — в противопоставлении ада и рая, подсолнечного мира и Третьего мира.

Принцип дуализма аккумулирует в себестремление писателя закодировать закономерности общечеловеческого бытия в их причинно-следственной взаимообусловленности.

Что дает такой принцип в плане обогащения художественного мира? Во-первых, переводит актуальные проблемы современности в план общечеловеческого. И, во-вторых, позволяет накладывать универсальные коллизии на события конкретной национально-

исторической действительности. Отсюда смысловая актуализация содержательных элементов, которые вступают в новые структурно-сущностные связи.

В романе-мифе рождается многообразие форм и способов трансформации, осуществляемой на различных структурно-содержательных уровнях. Во-первых, на уровне художественного характера: в результате эпического типа перерос в романский тип героя. И, во-вторых, на уровне сюжетно-композиционной организации: такова логика связи и диалектика конкретного и абстрактного в структуре сюжета.

Разумеется, роль мифоэпической традиции в формировании осетинского романного мышления рассмотренными нами проблемами и аспектами не ограничивается.

1. Булкаты М. Седьмой поход Сослана Нарты. Роман. Перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1989.

2. Фидарова Р.Я. Художественная культура осетинского народа. М.: Наука, 2007.